

1

Наши дни

Еще до того, как мужчина заходит в приемную, я понимаю — будут проблемы. Он вылетает из машины, хлопнув дверью, и быстро шагает по парковке, при этом даже не обернувшись посмотреть, идет ли за ним жена — маленькая и в очках. Когда он добирается до стеклянных дверей на входе, я перевожу взгляд на монитор. Работа по двенадцать часов в день с опасными животными многое дает понять о враждебности, страхе и соперничестве — и это касается не только собак. С агрессорами лучше не встречаться взглядом.

Когда мужчина заходит в холл, колокольчик над дверью звенит, но я не отрываюсь от экрана и продолжаю вносить результаты анализов Тай-

сона в базу данных. Этого пса — помесь немецкой овчарки — привезли неделю назад, и с тех пор мы за ним наблюдаем. Я обнаружила у него поведенческие проблемы при контакте с другими собаками, кошками и людьми, что неудивительно для бывшего сторожевого пса в наркопритоне. Некоторые считают, что такую собаку, как Тайсон, лучше сразу пристрелить, но я уверена, что у него есть шанс на реабилитацию. Прошлое не должно определять чье бы то ни было будущее.

— Где, черт вас дерит, моя собака? — мужчина упирается локтями в стойку и выпячивает подбородок, на узком впалом лице застыло презрительное выражение. На худых плечах широкая кожаная куртка, джинсы болтаются на бедрах. Ему вряд ли больше сорока пяти, максимум пятьдесят, но выглядит он довольно потрепанным. Подозреваю, он как раз из тех, кто заводит собак опасной породы. Это как маленький мужчина и большая машина. Или большая собака. Неудивительно, что он требует ее назад: ему нужно живое подтверждение того, что он настоящий мужик.

— Чем могу помочь? — Я поворачиваюсь на стуле в его сторону и улыбаюсь.

— Где моя собака? Соседи видели, как приехала полиция, когда нас не было. Его увели с заднего двора. Верните его.

— Его зовут Джек. Стаффордширский бультерьер, ему пять лет. — К стойке подбегает его запыхавшаяся жена: в очках, черные легинсы вытянуты на

коленях, на губах аккуратный слой розовой помады, а тронутые сединой волосы туго стянуты в конский хвост.

— А вас как зовут? — Я вновь перевела взгляд на мужа.

— Гэри. Гэри Фуллертон. — Мужчина упорно игнорирует жену.

Я помню собаку, о которой они спрашивают. Джека привезли четыре дня назад: правый глаз опух и не открывался, губа порвана и кровоточила, а левое ухо истерзано так, что врачу пришлось отрезать половину. Он бывал в драках, и точно не случайных, это было видно по шрамам на теле и ранам на морде, а хозяин его явно только что из полицейского участка — видимо, вышел под залог в ожидании суда.

Моя улыбка блекнет.

— Боюсь, ничем не могу вам помочь.

— Я знаю, что он у вас, — продолжает он. — Вы не можете его удерживать. Мы не сделали ничего такого. Он просто подрался в парке. И у нас есть семь дней, чтобы его забрать, мне приятель сказал.

Я отворачиваюсь от стойки лицом к компьютеру.

— Боюсь, я не имею права обсуждать особые случаи.

— Эй! — Он наклоняется, хватая монитор и дергает его на себя. — Я вообще-то с вами разговариваю!

— Гэри... — Жена касается его руки. Он злобно глядит на нее, но монитор отпускает. — Пожалуйста, — она вглядывается в имя на моем бейдже, — пожалуйста, Джейн, нам нужно увидеть Джека, и все, просто убедиться, что он в порядке. Мы не

хотим устраивать проблем, дайте только увидеть нашего мальчика.

Ее глаза за стеклами очков затуманивают слезы, но мне ее не жаль. Она наверняка в курсе, что Гэри выставляет Джека на боях. Возможно, время от времени она высказывала свои возражения, старательно вытирала пса влажной фланелевой тканью после очередного боя, но она однозначно не сделала ничего, чтобы эту собаку прекратили рвать на части.

— Прошу прощения, — я качаю головой. — Я не имею права обсуждать особые случаи.

— Да какие, к черту, случаи?! — ревет мужчина, но руки у него бессильно повисают вдоль тела. Его запал явно иссяк. Он знает, что у него нет никаких оснований для претензий, а шумит просто для вида. Самое ужасное, что, возможно, Фуллертон действительно любит собаку. Он, несомненно, гордился Джеком, когда тот выиграл первые бои. Возможно, дал ему большую порцию собачьего печенья и сидел с ним на диване в обнимку. Но, когда Джек начал проигрывать, Гэри это не понравилось: это задевало его гордость, — и он продолжал выставлять его на бои, ожидая, что к Джеку вернется желание сражаться, и надеясь, что удача сменит гнев на милость.

— Все в порядке, Джейн? — Шейла, мой менеджер, не спеша выходит в приемную из правого коридора и кладет руку мне на плечо. Она улыбается Гэри и его спутнице, но в уголках губ заметно напряжение, а это означает, что она слышала каждое слово.

— Мы уходим, — Гэри хлопает правой ладонью по стойке, — но это еще не конец.

Он разворачивается и шагает к выходу. Его жена не двигается с места и умоляюще смотрит на меня, нервно переплетая пальцы перед собой.

— Кэрол, пошли! — резко зовет Гэри.

Она колеблется, всего на секунду, глаза неотрывно глядят на меня.

— Кэрол! — повторяет он, и она послушно семечит следом.

Колокольчик позвякивает, пока они выходят за дверь и, держась вместе, идут через парковку. Гэри впереди, Кэрол — вслед за ним. Если она обернется, я догоню ее. Выдумаю что-нибудь и поговорю наедине. Этот ее взгляд... он не только про пса.

Обернись, обернись, Кэрол.

Гэри направляет брелок на «Рендж Ровер», машина мигает фарами, и мужчина открывает дверь. Кэрол забирается на переднее сидение. Пока она усаживается, Гэри что-то говорит ей, и она, сняв очки, трет глаза.

— Джейн, — Шейла сжимает мое плечо. — Думаю, нам не помешает чашечка чаю, как считаешь?

Я понимаю, что она хочет сказать: твоя забота — Джек, а дела Кэрол тебя не касаются.

Она идет в ординаторскую, но внезапно останавливается.

— О, совсем забыла отдать тебе вот это. — Шейла протянула мне конверт. На нем от руки написано мое имя: *Джейн Хьюз, приют для животных «Гринфилдс»*. — Полагаю, благодарственное письмо.

Я открываю конверт большим пальцем. Внутри сложенный вчетверо стандартный лист. Я быстро читаю его и сворачиваю обратно.

— Ну что? — спрашивает Шейла.

— Это от новых владельцев Мейзи. Она отлично адаптировалась, и они по уши в нее влюблены.

— Отлично! — Шейла одобрительно кивает и вновь идет в ординаторскую.

Я жду, пока стихнут шаги, и бросаю взгляд на парковку. Там, где стояла машина Гэри и Кэрол, пусто.

Я снова развернула письмо и прочла. Всего одно предложение, написанное точно в центре синей шариковой ручкой.

Я знаю, что ты не Джейн Хьюз.

Кто бы ни послал эту записку, он знает обо мне правду.

Меня зовут Эмма Вулф, и последние пять лет я притворяюсь другим человеком.

2

Пять лет назад

Когда я сажусь за стол напротив Дейзи, она не говорит ни слова. Вместо этого толкает ко мне стопку с каким-то напитком и кидает быстрый взгляд в сторону: ее отвлекла компания мужчин, которая проталкивается к пустому столику рядом с туалетами. Один из них, что идет последним, — темно-волосый, низенький и с брюшком — перехватывает ее взгляд и оборачивается. Пихает стоящего рядом товарища, тот останавливается и одобрительно кивает, встретившись глазами с Дейзи. Та пресекает его намерения, вздернув в ответ бровь, и снова обращает внимание на меня.

— Пей! — кричит она, указывая на стопку. — Разговоры потом.

— Я тоже рада тебя видеть.

Я не спрашиваю, что там налито. Даже не нюхаю. Выпиваю одним глотком и тут же тянусь к бокалу белого вина, который Дейзи пододвигает ко мне. Его вкус едва ощущается в резком привкусе аниса, оставшемся после шота.

— Все в порядке, подруга?

Я мотаю головой и делаю еще глоток вина.

— Засранец Джефф опять тебя достает?

— Да.

— Так уходи.

— Если бы все было так просто.

— А все как раз просто, Эмма. — Дейзи обеими руками поправляет светлые волосы и отбрасывает их за плечи, так что они каскадом струятся по спине. — Печатаешь заявление об увольнении, подаешь ему и уходишь, можно еще средний палец показать, но это по желанию.

Мужчина с двумя пинтами в руках врезается бедром в мой стул. Лагер выливается из бокалов и капает мне на левое плечо.

— Извините, — машинально говорю я. Тот не обращает внимания и идет дальше к компании заждавшихся приятелей.

Дейзи закатывает глаза.

— Не надо.

— Что? — Она смотрит на меня невинными глазами.

— Не грузи меня насчет извинений и не беги за тем парнем.

— Можно подумать, я собиралась.

— Можно подумать, я тебе верю.

Она пожимает плечами.

— Ну кто-то же должен за тебя постоять. Хочешь, я и с твоим боссом за тебя побеседую? Я могу.

На столе перед ней пикирует телефон, и она тыкает в него пальцем с обкусанным ногтем. У Дейзи аккуратно подведены глаза, светлые волосы гладкие и блестящие, но кожа вокруг ногтей рваная, а красный лак отслаивается и осыпается. Ногти — единственная брешь в ее идеальных доспехах. Она замечает мой взгляд, сжимает руки в кулаки и прячет их на коленях.

— Эмма, он просто любит над тобой издеваться. Он с самого первого дня тебя критикует и втоптывает в грязь.

— Знаю, но ходят слухи, что он собирается возглавить манчестерский офис.

— Ты это говоришь уже три года.

— Я не могу просто уйти.

— Почему? Из-за матери? Господи, Эмма, повзрослей уже. Тебе двадцать пять лет. И у тебя всего одна жизнь, делай, что сама хочешь. Пошли маму куда подальше.

— Дейзи!

— Что? — Она доливает вина в бокал и выпивает залпом.

По ее затуманенному взгляду я подозреваю, что это не первая бутылка за вечер.

— Кто-то должен сказать это, почему бы и не я. Перестань беспокоиться о том, что она подумает, и делай то, что хочется тебе. Одержимость мнением

твоей несчастной семейки уже начинает утомлять. Это все тянется с универа и...

— Прости, если я тебя утомляю. Думала, мы подруги. — Я беру сумочку и встаю, но Дейзи, потянувшись через стол, хватается меня за запястье.

— Не надо так реагировать. И хватит уже извиняться. Сядь, Эмма.

Я усаживаюсь на краешек стула. Ответить не могу. Если заговорю — заплачу, а я ненавижу плакать на публике.

Дейзи по-прежнему держит меня за руку.

— Я не пытаюсь тебя обидеть. Я хочу, чтобы ты была счастлива, вот и все. Ты же говорила мне, что у тебя хватит денег, чтобы не работать три месяца.

— Это на черный день.

— Так это он и есть. Ты несчастна. Поработай со мной в пабе, пока не найдешь что-то еще. Ян тебя сразу возьмет, он обожает рыжих.

— Я крашенная.

— Господи, Эмма...

Ее телефон на столе вибрирует и сквозь шум и гомон паба пробивается тихая Love the Way You Lie в исполнении Рианны и Эминема.

Дейзи делает предупреждающий знак рукой и хватается мобильный.

— Лиэнн? У тебя все хорошо? — Она зажимает ухо пальцем и сосредоточенно прислушивается. — Ладно. Да, сейчас приедем. Возьмем такси, будем через пятнадцать минут, окей? Тогда пока. Увидимся.

Она прячет мобильный в крохотный клатч, лежащий на столе, и смотрит на меня. В голубых гла-